

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 11. «Но где бы стезя ни бежала, нам русская
снилась земля»

Выпуск № 119

Владимир Набоков

Тихий шум

Когда в приморском городке,
среди ночи пасмурной, со скуки
окно откроешь, вдалеке
прольются шепчущие звуки.

Прислушайся и различи
шум моря, дышащий на сушу,
оберегающий в ночи
ему внимающую душу.

Весь день невнятен шум морской,
но вот проходит день незванный,
позванивая, как пустой
стакан на полочке стеклянной.

И вновь в бессонной тишине
открой окно своё пошире,
и с морем ты наедине
в огромном и спокойном мире.

Не моря шум – в тиши ночной
иное слышно мне гуденье:
шум тихий родины моей,
её дыханье и биенье.

В нём все оттенки голосов
мне милых, прерванных так скоро,
и пенье пушкинских стихов,
и ропот памятного бора.

Отдохновенье, счастье в нём,
благословенье над изгнаньем.

Но тихий шум не слышен нам
за суетой и дребезжаньем.

Зато в полночной тишине
внимает долго слух неспящий
стране родной, её шумящей,
её бессмертной глубине.

1929

Марина Цветаева

Рассвет на рельсах

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости – и свай,
Из сырости – и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.

Туман ещё падит,
Ещё в холсты запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...

Из сырости – и стай...
Ещё вестями шальными
Лжет вороная сталь –
Ещё Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз –
Владением бесплотнейшим
Какая разлилась
Россия – в три полотнища!

И – шире раскручу!
Невидимыми рельсами
По сырости пуцу
Вагоны с погорельцами:

С пропавшими навек
Для Бога и людей!
(Знак: сорок человек
И восемь лошадей).

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости – и сирости,

Покамест день не встал
С его страстями стравленными –
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль – да две рельсы синие...
Эй, вот она! – Держи!
По линиям, по линиям...

1922

Выпуск № 475

Георгий Адамович

Без отдыха дни и недели,
Недели и дни без труда.
На синее небо глядели,
Влюблялись... И то не всегда.

И только. Но брезжил над нами
Какой-то божественный свет,
Какое-то лёгкое пламя,
Которому имени нет.

Владимир Набоков

Родина

Бессмертное счастье наше
Россией зовётся в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.

Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твоё жало,
чужбина, где сила твоя?

Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушённую думу,
за каждую песню о них.

Наш дом на чужбине случайной,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.

1927

Выпуск № 196

Георгий Адамович

Что там было? Ширь закатов блёклых,
Золочёных шпилей лёгкий взлёт,
Ледяные розаны на стёклах,
Лёд на улицах и в душах лёд.

Разговоры будто бы в могилах,
Тишина, которой не смутить...
Десять лет прошло, и мы не в силах
Этого ни вспомнить, ни забыть.

Тысяча пройдёт, не повторится,
Не вернётся это никогда.
На земле была одна столица,
Всё другое – просто города.

Владимир Набоков

Годовщина

В те дни, дай Бог, от краю и до краю
гражданская повеет благодать:
всё сбудется, о чём за чашкой чаю
мы на чужбине любим погадать.

И вот последний человек на свете,
кто будет помнить наши времена,
в те дни на оглушительном банкете,
шалая от волненья и вина,

дрожащий, слабый, в дряхлом умиленье
поднимется... Но нет, он слишком стар:
черта изгнанья тает в отдаленье,
и ничего не помнит юбиляр.

Мы будем спать, минутные поэты;
я, в частности, прекрасно буду спать,
в бою случайном ангелом задетый,
в родимый прах вернувшийся опять.

Библиофил какой-нибудь, я чую,
найдёт в былых, не нужных никому
журналах, отпечатанных вслепую
нерусскими наборщиками, тьму

статей, стихов, чувствительных романов
о том, как Русь была нам дорога,
как жил Петров, как странствовал Иванов
и как любил покорный ваш слуга.

Но подписи моей он не отметит:
забыто всё. И, Муза, не беда.
Давай блуждать, давай глазеть, как дети,
на проносящиеся поезда,

на всякий блеск, на всякое движение,
предоставляя выпреним глупцам
бранить наш век, пенять на сновиденье,
единый раз дарованное нам.

1926

Выпуск № 659

Марина Цветаева

Страна

С фонарём обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны на карте –
Нет, в пространстве – нет.

Выпита как с блюдца:
Доньшко блестит!
Можно ли вернуться
В дом, который – срыт?

Заново родися!
В новую страну!
Ну-ка, воротися
На спину коню

Сбросившему! (Кости
Целы-то – хотя?)
Эдакому гостю
Булочник – ломтя

Ломаного, плотник –
Гроба не продаст!
Той её – *несчётных*
Вёрст, *небесных* царств,

Той, где на монетах –
Молодость моя,
Той России – нету.
Как и той меня.

1931

Владимир Набоков

Родина

Когда из родины звенит нам
сладчайший, но лукавый слух,
не празднословно, не молитвам
мой предаётся скорбный дух.

Нет, не из сердца, вот отсюда,
где боль неукротима, вот –
крылом, окровавленной грудой,
обрубком костяным – встаёт

мой клёкот, клокотанье: Боже,
Ты, отдыхающий в раю,
на смертном, на проклятом ложе
тронь, воскреси – её... мою!..

1923

Выпуск № 171

Георгий Адамович

По широким мостам... Но ведь мы всё равно не успеем,
Этот ветер мешает, ведь мы заблудились в пути,
По безлюдным мостам, по широким и чёрным аллеям
Добежать хоть к рассвету, и остановить, и спасти.

Просыпаясь, дымит и вздыхает тревожно столица.
Окна призрачно светятся. Стынет дыханье в груди.

Отчего мне так страшно? Иль, может быть, всё это снится,
Ничего нет в прошедшем и нет ничего впереди?

Море близко. Светает. Шаги уже меряют где-то.
Будто скошены ноги, я больше бежать не могу.
О, ещё б хоть минуту! Но щёлкнул курок пистолета.
Не могу... Всё потеряно... Тёмная кровь на снегу.

Тишина, тишина. Поднимается солнце. Ни слова.
Тридцать градусов холода. Тускло сияет гранит.
И под чёрным вуалем у гроба стоит Гончарова,
Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядит.

Владимир Набоков

Изгнанье

Я занят странными мечтами
в часы рассветной полутьмы:
что, если б Пушкин был меж нами –
простой изгнанник, как и мы?

Так, удалясь в края чужие,
он вправду был бы обречён
«вздыхать о сумрачной России»,
как пожелал однажды он.

Быть может, нежностью и гневом –
как бы широким шумом крыл, –
ещё неслыханным напевом
он мир бы ныне огласил.

А может быть и то: в изгнанье
свершая страннический путь,
на жарком сердце плащ молчанья
он предпочёл бы запахнуть, –

боясь унижить даже песней,
высокой песнею своей,
тоску, которой нет чудесней,
тоску невозвратимых дней...

Но знал бы он: в усадьбе дальней
одна душа ему верна,
одна лампада тлеет в спальне,
старуха вяжет у окна.

Голубка дряхлая дождётся!
Ворота настежь... Шум живой...
Вбежит он, глянет, к ней прижмётся
и всё расскажет – ей одной...

1925

Выпуск № 712

Владислав Ходасевич

Зимой

День морозно-золотистый
Сети тонкие расставил,
А в дали, пурпурно-мглистой,
Кто-то медь ковал и плавил.

Кто-то золотом сусальным
Облепил кресты и крыши.
Тихий ветер дымам дальним
Приказал завиться выше...

К сизым кольцам взоры вскинем!
Мир печалью светлой болен...
Стынет в небе, ярко-синем,
Строй прозрачных колоколен.

1906

Владимир Набоков

Петербург

Мне чудится в Рождественское утро
мой лёгкий, мой воздушный Петербург...

Я странствую по набережной... Солнце
взошло туманной розой. Пухлым слоем
снег тянется по выпуклым перилам.
И рысаки под сетками цветными
проносятся, как сказочные птицы;
а вдалеке, за ширью снежной, тают
в лазури сизой розовые струи
над кровлями: как призрак золотистый,
мерцает крепость (в полдень бухнет пушка:
сперва дымок, потом раскат звенящий);
и на снегу зелёной бирюзой
горят квадраты вырезанных льдин.

Приземистый вагончик тёмно-синий,
пером скользя по проволоке тонкой,
через Неву пушистую по рельсам
игрушечным бежит себе, а рядом
расчищенная искрится дорожка
меж ёлочек, повоткнутых в сугробы:
бывало, сядешь в кресло на сосновых
полозьях, – парень в желтых рукавицах
за спинку хватать, – и вот по голубому
гудящему ледку толкает, крепко
отбрасывая ноги, косо ставя
ножи коньков, верёвкой кое-как
прикрученные к валенкам, тупые,
такие же, как в пушкинские зимы...

Я странствую по городу родному,
по улицам таинственно-широким,
гляжу с мостов на белые каналы,
на пристани и рыбные садки.
Катки, катки, – на Мойке, на Фонтанке,
в юсуповском серебряном раю:
кто учится, смешно раскинув руки,
кто плавные описывает дуги, –
и бегуны в рейтузах шерстяных
гоняются по кругу, перегнувшись,
сжав за спиной футляр от этих длинных
коньков своих, сверкающих как бритвы,
по звучному лоснящемуся льду.

А в городском саду – моём любимом –
между Невой и дымчатым собором,
сияющие, лёгкие виденья

сквозных ветвей склоняются над снегом,
над будками, над каменным верблюдом
Пржевальского, над скованным бассейном, –
и дети с гор катаются, гремят,
ложась ничком на бархатные санки.

Я помню всё: Сенат охряный, тумбы
и цепи их чугунные вокруг
седой скалы, откуда рвётся в небо
крутой восторг зеленоватой бронзы.
А там, вдали, над сетью серебристой,
над кружевами дивными деревьев –
там величаво плавает в лазури
морозом очарованный Исакий:
воздушный луч на куполе туманном,
подёрнутые инеем колонны...

Мой девственный, мой призрачный!.. Навеки
в душе моей, как чудо, сохранится
твой лёгкий лик, твой воздух несравненный,
твои сады, и дали, и каналы,
твоя зима, высокая, как сон
о стройности нездешней...

Ты растаял,
ты отлетел, а я влачу виденья
в иных краях, – на площадях зеркальных,
на палубах скользящих... Трудно мне...
Но иногда во сне я слышу звуки
далёкие, я слышу, как в раю
о Петербурге Пушкин ясноглазый
беседует с другим поэтом, поздно
пришедшим в мир и скорбно отошедшим,
любившим город свой непостижимый
рыдающей и реющей любовью.

И слышу я, как Пушкин вспоминает
все мелочи крылатые, оттенки
и отзвуки: "Я помню, – говорит, –
летучий снег, и Летний Сад, и лепет
Олениной... Я помню, как, женатый,
я возвращался с медленных балов
в карете дребезжащей по Мильонной,
и радуги по стёклам проходили,
но, веришь ли, всего живее помню

тот лёгкий мост, где встретил я Данзаса
в январский день, пред самую дуэлью..."

1923

Выпуск № 275

Вячеслав Иванов

Язык

Родная речь певцу земля родная:
В ней предков неразменный клад лежит,
И нашептом дубравным ворожит
Внушённым небом песен мать земная.

Как было древле, глубь заповедная
Зачатий ждёт, и дух над ней кружит...
И сила недр, полна, в лозе бежит,
Словесных гроздий сладость наливная.

Прославленная, светится, звеня
С отгулом сфер, звучащих издалеча,
Стихия светом умного огня.

И вещей гимн – их свадебная встреча,
Как уголь, в алмаз замкнувший солнце дня, –
Творенья духоносного предтеча.

1927

Владимир Набоков

Молитва

Пыланье свеч то выявит морщины,
то по белку блестящему скользнёт.
В звездах шумят древесные вершины,
и замирает крестный ход.
Со мною ждёт ночь тёмно-голубая,

и вот, из мрака, церковь огибая,
пасхальный вопль опять растёт.

Пылай, свеча, и трепетные пальцы
жемчужинами воска ороси.
О милых мёртвых думают скитальцы,
о дальней молятся Руси.
А я молюсь о нашем дивьем диве,
о русской речи, плавной, как по ниве
движенье ветра... Воскреси!

О, воскреси душистую, родную,
косноязычный сон её гнетёт.
Искажена, искромсана, но чую
её невидимый полёт.
И ждёт со мной ночь тёмно-голубая,
и вот, из мрака, церковь огибая,
пасхальный вопль опять растёт.

Тебе, живой, тебе, моей прекрасной,
вся жизнь моя, огонь несметных свеч.
Ты станешь вновь, как воды, полногласной,
и чистой, как на солнце меч,
и величавой, как волнение нивы.
Так молится ремесленник ревнивый
и рыцарь твой, родная речь.

1924

Выпуск № 1053

Иван Бунин

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьётся сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наёмный дом
С своей уж ветхою котомкой!

1922

Владимир Набоков

К России

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.

Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен выть на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину,
и теперь приближаться не смей.

Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов;

обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
всё, что есть у меня, – мой язык.

Но зато, о Россия, сквозь слёзы,
сквозь траву двух несмежных могил,
сквозь дрожащие пятна берёзы,
сквозь всё то, чем я смолоду жил,

дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,
не нащупывай жизни моей!

Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд, –
поздно, поздно! – никто не ответит,
и душа никому не простит.

1939

Выпуск № 1213

Георгий Адамович

Когда мы в Россию вернёмся... о Гамлет восточный, когда? –
Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком,
Но только наверное знать бы, что вовремя мы добредём...

Больница. Когда мы в Россию... колышется счастье в бреду,
Как будто «Коль славен» играют в каком-то приморском саду,
Как будто сквозь белые стены, в морозной предутренней мгле
Колышатся тонкие свечи в морозном и спящем Кремле.

Когда мы... довольно, довольно. Он болен, измучен и наг,
Над нами трёхцветным позором полощется нищенский флаг,
И слишком здесь пахнет эфиром, и душно, и слишком тепло.
Когда мы в Россию вернёмся... но снегом её замело.

Пора собираться. Светает. Пора бы и трогаться в путь.
Две медных монеты на веки. Скрещённые руки на грудь.

Владимир Набоков

Возвращение

Я всем вам говорю, о странники! – нежданный
глубокий благовест прольётся над туманной
землёй, и, полный птиц, волнистый встанет лес,
черемухой пахнёт из влажного оврага,
и ветру вешнему неведомый бродяга
ответит радостно «воистину воскрес».

В полях, на площадях, в толпе иноплемённой,
на палубе, где пыль толпы неугомонной
бессонного кропит, – да, где бы ни был он, –
как тот, кто среди пустой беседы вдруг приметит
любимый лик в окне – так встанет он и встретит
свой день, свет ласковый и свежий, свет и звон.

И будет радостно и страшно возвращенье.
Могилы голые найдём мы – разрушенье,

неузнаваемы дороги, – всё смела
гроза глумливая, пустынен край, печален...
О чудо. Среди глухих, дымящихся развалин,
раскрывшись, радуга пугливая легла.

И строить мы начнём, и сердце будет строго,
и ясен будет ум... Да, мучились мы много,
нас обнимала ночь, как плачущая мать,
и зори над землёй печальные лучились, –
и в дальних городах мы, странники, учились
отчизну чистую любить и понимать.

1920

Выпуск № 29

Анна Ахматова

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты – столица
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты – как грешник, видящий райский
Перед смертью сладчайший сон...

1916

Владимир Набоков

Исход

Муза, с возгласом, со вздохом шумным,
у меня забила на руках.
В звёздном небе тихом и безумном
снежный поднимающийся прах

очертанья принимал, как если
долго вглядываться в облака:
образы гранитные воскресли,
смуглый купол плыл издалека.

Через Млечный Путь бледно-туманный
перекинулись из темноты
в темноту – о, муза, как неожиданно! –
явственные невские мосты.

И, задев в седом и синем мраке
исполинским куполом луну,
скрипнувшую как сугроб, Исакий
медленно пронёсся в вышину.

Словно ангел на носу фрегата,
бронзовым протянутым перстом
рассекая звёзды, плыл куда-то
Всадник, в изумленье неземном.

И по тверди поднимался тучей,
тускло озарённой изнутри,
дом; и вереницею текучей
статуи, колонны, фонари

таяли в просторах ночи синей,
и, неспешно догоняя их,
к Господу несли свой чистый иней
призраки деревьев неживых.

Так проплыл мой город непорочный,
дивно оторвавшись от земли.
И опять в гармонии полночной
только звёзды тихие текли.

И тогда моя полуживая
маленькая муза, трепеща,
высунулась робко из-за края
нашего широкого плаща.

1924